

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

П. Безерра

САНЧО ПАНСА И ДОН КИХОТ: СТРАНСТВУЮЩИЕ ДВОЙНИКИ

Посвящается Регине Викторовне Маковецкой

«Дон Кихот», энциклопедия современного романа, входит в четвертый век своего существования, бросая творческим умам вызов своей неисчерпаемостью в качестве источника гуманистических смыслов и своей необычайной эстетической и философской актуальностью. Читая сегодня роман Сервантеса, мы констатируем, что это великое произведение, говоря языком Бахтина, превзошло свою эпоху, разбило грани этой эпохи и стало жить в последующих веках, т.е. в *большом времени*, жизнью, более интенсивной и полной, чем в своем малом времени. Эта трансгredientная сила, эта способность жить в последующих веках объясняются тем, что роман Сервантеса вел глубокий и обширный диалог со всем, что было ценного в предыдущих культурных, литературных, философских и исторических традициях, тем самым оправдывая свою непрерывность в новой литературной и культурной ситуации. Тут выявляются глубины его ранее неизвестных смыслов, и сам роман живет новой жизнью в понимании новых читателей, в свете новой ситуации в области истории, теории и философии.

«Дон Кихот» – история идадьго Алонсо Кехана, который, повредившись умом от чтения рыцарских романов, стал видеть мир глазами литера-

туры (Бахтин), жить по образцу сюжета рыцарского романа и так увлекся этим, что решил сделаться странствующим рыцарем. Так как рыцарь должен иметь имя, соответствующее его высокому положению, он выбрал себе имя Дон Кихот. Известно, что право употребления слова «дон» принадлежало исключительно великим рыцарям; это воспрещалось тем, кто был простым идалго. Со своей стороны, слово «Кихот» означало ту часть арматуры, которая охраняла бедро. Тем самым, имя Дон Кихота – это топографическая эмблема, ибо оно сливается в одной семантической единице знак верха социальной иерархии и этикета, свойственного касте («дон»), с материальным предметом «Кихот», который является одновременно деталью, охраняющей телесный низ, и звеном связи между низом и верхом. Верхом, производящим субъективные представления о мире, и низом – землей, который сообщает этим представлениям объективность или отказывает в ней. Это единство между верхом и низом приобретает общественную конкретность благодаря введению в повествование простого крестьянина Санчо Пансы, который будет волочить свое огромное брюхо, символ реальной связи человеческого тела с землей, рядом с кастовым знаком «дон», символизирующим принадлежность Дон Кихота к высокому миру странствующего рыцарства и его социальной среде.

Таким образом, имя «Дон Кихот» уже подразумевает необходимость присутствия Санчо Пансы как дополняющего высокую культуру народной. В такой архитектонике имен Сервантес актуализирует традицию мифологического мышления, в которой, согласно Э. Кассиреру, «существенное тождество между словом и тем, что оно обозначает, неразрывно соединяет “я” человека и его личность с его именем»¹.

Архитектоника «Дон Кихота» поражает читателя комбинацией множества композиционных элементов, которые мы находим в романе только на довольно позднем этапе его развития, особенно начиная с XIX в. Уже в предисловии бросается в глаза его необычная современность с сильным

акцентом на метаязыке, феномене, который буквально вспыхнул в XX в., и включением читателя в процесс создания композиции. Автор-читатель ведет диалог с воображаемым читателем, просит у него прощения за возможные недостатки книги. Он развенчивает ее как «сочинение сухое, как жердь»² (*leyenda seca*³), «не блещущую выдумкой» (*ajena de invención*), «скуднотильную» (*menguada de estilo*), «не содержащую в себе никаких научных сведений и ничего назидательного» (*probre de concetos y falta de toda erudición y doctrina*). Одним словом, автор будто бы старается отговорить читателя от чтения своего романа. Такая техника построения повествования, при которой в роман обсуждаются разные литературные жанры и процесс создания их композиции, сопровождает все произведение Сервантеса. Во второй части романа наблюдаем еще один элемент, явно присутствующий в современном романе: отдаленность первичного автора через введение вторичного автора в лице арабского Сида Ахмета Бен-инхали (*Cide Hamete Benengeli*), произведения которого Сервантес объявляет себя переводчиком. Открыв роман Достоевского «Братья Карамазовы», мы обнаруживаем многие из этих композиционных элементов, уже имеющих в «Дон Кихоте».

Мое понимание романа Сервантеса основывается на отношении и взаимодействии ученой (эрудированной) и народной культуры; при этом особо выделяются отношения Дон Кихота с Санчо Пансой, которые рассматриваются не как простые отношения рыцаря с оруженосцем и господина, приказывающего и определяющего все, что случается со слугой. Критик и историк испанской литературы Марселино Менендес-и-Пелайо (*Marcelino Menendez y Pelayo*) так комментирует отношения между Дон Кихотом и Санчо:

«Sancho es un espíritu redimido y purificado del fango de la materia por don Quijote; es el primero y mayor triunfo del ingenioso hidalgo; es la estatua moral que van labrando sus manos en materia tosca y rudisima, a la qual

comunica el soplo de la inmortalidad. Don Quijote se educa a si propio, educa a Sancho, y el libro entero es una pedagogia en acción <...> la conquista del ideal por un loco y por un rústico, la locura aleccionando y corrigiendo a la prudencia mundana, el sentido comun enoblecido por su contato con el asca viva y sagrada de lo ideal»⁴.

Пелайо сравнивает работу Дон Кихота над Санчо с творческим трудом скульптора, шлифующего необработанный камень как немой и пассивный предмет своего творения и сообщающего ему жизнь в форме искусства. Следует, однако, заметить, что процесс превращения Санчо из «неотесанного и грубейшего материала» («*materia tosca y rudisima*») не происходит пассивным образом, без сопротивления материала своему, скажем, пересоздателю. Такой процесс происходит в интересной борьбе и в диалогическом взаимодействии между этими героями, и сам Пелайо признает, что Дон Кихот «воспитывает самого себя» («*se educa a si próprio*»), следовательно, переживает известные изменения в контакте с Санчо. Следующие слова испанского критика нам интересны тем, что они подтверждают наш тезис о диалогическом взаимодействии Кихота и Санчо. Пелайо пишет, что происходит «достижение идеала безумцем и неотесанным человеком» («*la conquista del ideal por un loco y por un rustico*»), и из этого получается, что «общий смысл» их деяний оказывается «облагороженным своим контактом с живой и священной искрой идеального» («*enoblecido por su contato com el asca viva y sagrada de lo ideal*»). Со своей стороны, философ Мигель ди Унамуну видит более ясные взаимодополняющие отношения между Дон Кихотом и Санчо. Он пишет:

«Sancho era el linaje humano para él y en la cabeza de Sancho amava a los hombres todos <...> Sin Sancho Don Quijote no es Don Quijote, y necesita el amo mas del escudero que el escudero del amo»⁵.

Итак, Санчо служил ему связью с человеческим родом («*el linaje humano*»), через сознание Санчо он любил всех людей, то есть Санчо был

для Дон Кихота той частью жизни и культуры народа, которой он дополнил свою книжную эрудицию и через которую смог стать человеком универсума, понять и любить всех. Прав Унамуно, когда говорит, что «без Санчо Дон Кихот не Дон Кихот, и господин нуждается больше в оруженосце, чем оруженосец в господине». Диалогическое взаимодействие взаимно обогащает обоих.

По мере того, как мы читаем роман Сервантеса, становится ясно, что отношения Дон Кихота и Санчо – это диалогическое взаимодействие между субъектами своих собственных сознаний и своей же речи, равноправно участвующими в процессе построения диалогов романа и перестройке самих себя через эти диалоги. По моему мнению, этот вопрос оставляет за «Дон Кихотом» гораздо более важное место в истории современного романа, чем можно было ожидать.

Объективность диалогизма и лиминарность Санчо

Как мы уже сказали, Унамуно прав, когда говорит, что «без Санчо Дон Кихот не Дон Кихот, и господин нуждается больше в оруженосце, чем оруженосец в господине». Но и Санчо не может обойтись без Дон Кихота. Определяя диалогический процесс как взаимодействие субъектов, Бахтин пишет: «... я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собой без другого; я должен найти себя в другом, найти другого в себе»⁶. При внимательном чтении романа Сервантеса мы замечаем, что Дон Кихот становится более консистентным как персонаж с седьмой главы первой части книги, когда Санчо присоединяется к нему как оруженосец. С включением Санчо в действие Дон Кихот приобретает другого, который следует за ним, но также наблюдает, судит, оценивает его. Санчо – практичный и благоразумный свидетель экстравагантных иллюзий хитроумного идадьго – присутствует при его рыцарских подвигах, указывает на их химерические сто-

роны и комментирует их с участием, честностью, простотой и практическим духом. Это объясняется взаимоотношениями между объективностью, приносящейся Санчо из своего мира, и субъективностью, с которой Дон Кихот олицетворяет свой мир. Принимая свою роль оруженосца, Санчо становится лиминарным (пограничным) героем, ибо физически уходит из своего мира, но продолжает в нем жить умственно, субъективно, в качестве представителя своей культуры. Это означает, что он находится в обоих мирах, одной ногой в каждом из них; даже находясь в мире Дон Кихота, Санчо сохраняет в глубине своей души сущность законов и ценностей собственного мира и передает их через основанную на неисчерпаемом источнике пословиц и поговорок философию. В этом новом мире, мире другого, естественная объективность Санчо общается с и в субъективности Дон Кихота, выраженной в фантазии хитроумного идальго, в его утопии полной солидарности с людьми, которую Санчо ассимилирует только в результате долгого общения, долгого диалогического взаимодействия с Дон Кихотом и многих испытаний. Эта лиминарность (пограничность) между двумя мирами и придает объективность диалогизму, который устанавливается между героями на протяжении действия романа.

Начальное общение Санчо с Дон Кихотом совсем не пассивное. Для крестьянской логики Санчо, логики обыденного сознания, мир Дон Кихота абсурден. Кихот желает исправить мир исходя из идеального понятия справедливости, при котором материальные ценности совершенно второстепенны. Согласно логике своей крестьянско-мелкобуржуазной идеологии, Санчо хочет разбогатеть, стремится к богатству, часто думает о прибыли, требует свой заработок у Дон Кихота, но так как тот объясняет, что это несовместимо со статусом оруженосца, он довольствуется обещанием своего господина добиться для него управления островом. Присоединяясь к Дон Кихоту в надежде приобрести остров, Санчо показывает, что верит в странствующего рыцаря и считает его способным достать ему этот остров

как военный трофей. Таким образом, несмотря на свой практический ум и на характеризующую его речи объективность, Санчо верит многому тому, чему верит сам Дон Кихот. И верит потому, что, как показывает Менендес-и-Пелайо⁷, рассказы про рыцарство и странствующих рыцарей, подобные рассказам о Дон Кихоте, уже бытовали в воображении испанцев задолго до того, как Сервантес написал свой роман. По мере того, как растет общение Санчо со сложной, высоко культурной, а также абстрактной речью Дон Кихота, утончается чувствительность оруженосца, который все более и более прибегает к своей философии поговорок и пословиц. Такая философия отражает практичный реализм этого простодушного, но хитрого человека, является выражением его образа мыслей, его разумной оценки действительных жизненных обстоятельств. Несмотря на свой зачастую грубый вид, она отражает в своей чрезвычайной простоте его мировоззрение, которое все больше меняется и углубляется во взаимодействии с превосходной эрудицией Дон Кихота, до такой степени, что сам Кихот заявляет: Санчо с каждым днем становится все менее простодушным (*menos simplório*) и более скромным (*mas discreto*).

«Sí que algo me há de pegar de la discreción de vuestra merced – respondió Sancho – que las tierras que de suyo estériles y secas, estercolándolas y cultivándolas vienen a dar buenos frutos: quiero decir que la conversación de vuestra merced há sido el estiércol que sobre la estéril tierra de mi seco ingenio há caído, la cultivación, el tiempo que há que lê sirvo y comunico; y con esto, espero de dar frutos de mi que sean de bendición, tales, que no desdigan ni deslicen de los senderos de la buena crianza que vuesa merced há hecho en el agostado entendimiento mio»⁸ (P. 566–567).

В отношениях, которые устанавливаются между героями, один видит себя в глазах другого, глазами другого, они взаимодействуют в диалоге, и в таком взаимодействии один присваивает черты другого до такой степени, что оба становятся двойниками друг друга. Хотя Дон Кихот часто осужда-

ет Санчо за то, что его речь содержит излишек пословиц и поговорок, в определенный момент он сам заражается этим стилем Санчо и начинает употреблять поговорки. Такая миграция черт одного героя к другому, сущность диалогического процесса констатируется во многих местах романа, из которых можно выделить два, на мой взгляд, довольно определенных. 1) Констатация сделана изнутри диалогического общения самим Дон Кихотом в диалоге с Санчо, когда Дон Кихот говорит: «soy tu cabeza, y tu es parte de mí»⁹ (Р. 503); 2) констатация сделана извне этого диалогического общения священником, который, с одной стороны, видит Дон Кихота низвергающимся «с высот безумия в пучину простодушия» (Ч. 2. С. 14): «...te despeñas del pinaculo de tu locura hasta el profundo abismo de tu simplicidad» (Р. 492). С другой же – он определяет обоих как двойников самих себя, как своего рода сиамских близнецов, отделение которых друг от друга влекло бы за собой совершенную потерю воплощенного ими в романе смысла. Как часто бывает в диалогическом процессе, особенно у Достоевского, здесь, в «Дон Кихоте», священник заключает свое определение Дон Кихота и Санчо словами: «... veremos en lo que para esta máquina de disparates de tal Caballero y de tal escudero, que parece que los forjaron a los dos en una misma turquesa, y que las locuras del señor sin lãs necedades del criado no valian um ardite»¹⁰ (Р. 502–503).

Несмотря на дискредитацию поступков рыцаря и его оруженосца господствующим разумом в лице священника, констатированная им двойственность несет с собой идею, которая окажется существенной на протяжении всего действия романа. Диалогическое взаимодействие между героями до того интенсивно, что «сумасбродства» Санчо неуклюже обосновывают его глубокий философский взгляд на жизнь, поскольку «безумства» Дон Кихота являются формой его столь же нескладного мышления, глубокая сущность которого основывается на любви к человеку и на соли-

дарности с ним. Таким образом, оба героя вместе олицетворяют гуманистический идеал, вложенный Сервантесом в свой роман.

В диалогическом взаимодействии Санчо с Дон Кихотом Сервантес строит с большой виртуозностью процесс постепенного превращения Санчо, в котором «бесплодная и сухая почва удобряется и обрабатывается» культурой другого, и «сухой ум» Санчо дает хорошие плоды, хороший урожай, превращающие «высохшую ниву» его понятливости в великую способность к различению разных вещей. Этим Санчо и поражает свою жену Терезу, считающую, что, став «правою рукою странствующего рыцаря», он «такие петли мечет» (Ч. 2. С. 44), что никто его не понимает («después que os hicistes meimbro de caballero andante habláis de tan rodeada manera, que no hay quen os enteinda», P. 519). Санчо поражает даже рассказчика, по словам которого Санчо говорит тем стилем, «какого нельзя было бы ожидать от ограниченного его ума <de su corto ingenio>, и рассуждает о таких тонкостях, которые не могли быть ему известны» (Ч. 2. С. 43) («у dice cosas tan sutiles que no tiene por posible él las supusiese», P. 518). Санчо несет в своей культуре понятие о естественном равенстве людей независимо от их социального, религиозного и иерархического положения в обществе. В разговоре с герцогиней по поводу своей способности управлять обещанным ему островом он комментирует положение людей на земле и посмертную судьбу каждого. Здесь выявляется, что его взгляд на равенство людей основывается на народном карнавальном понимании трагично демократического духа смерти, которая, по Бахтину, снимает корону со всех, коронованных в жизни, и уравнивает их в загробной жизни. Следовательно, для Санчо все равны перед смертью: «Al dejar este mundo y meternos la tierra adentro, por tan estrecha senda va el príncipe como el jornalero, y no ocupa mas pies de tierra el cuerpo del papa que el del sacristán, aunque que sea mas alto el uno que el outro; que al entrar en el oyo todos nos ajustamos y encojemos, o nos hacen ajustar y encojer»¹¹ (P. 731).

До вступления в диалогическое взаимодействие с Дон Кихотом Санчо уже несет такое философское понимание равенства людей, а также представление о власти, основанное на своем опыте и на своей способности наблюдать, откуда и вытекает его взгляд на роль правосудия в его возможном будущем губернаторстве. В ответ на предостережение герцогини, рекомендовавшей Санчо осторожность в отношениях со своими будущими подданными, которые, по ее словам, все верноподданные и с хорошим происхождением, он говорит: «Eso de gobernarlos bien <...> no hay para qué encergármelo, porque yo soi caritativo de mio y tengo compasion de los pobres»¹² (Р. 732).

Но, несмотря на всю свою уверенность, чтобы лучше согласовать свои взгляды с жизненной философией Дон Кихота, Санчо еще нужно будет выкорчевать кое-какие сорные травы из своего мелкобуржуазного воспитания, ибо, как он сам заявляет в письме к своей жене Терезе, через несколько дней он уедет приступать к своему губернаторству «с величайшим желанием зашибить деньгу, – мне говорили, что все вновь назначенные правители отбывают с таким же точно желанием» (Ч. 2. С. 282). («De aquí pocos días me partiré al gobierno, adonde voy con grandísimo deseo de hacer dineros, porque me han dicho que todos los gobernadores nuevos van con eso mesmo deseo», Р. 751).

Перед отъездом Санчо на остров Баратария Дон Кихот дает ему следующие советы: попытаться узнать самого себя, ибо, зная самого себя, он не будет действовать, как лягушка, которая захотела уравниваться с быком; проявлять мягкость и разумность; быть самим собой, никогда не отрицать своего крестьянского происхождения; быть больше смиренным благодетелем, чем надменным грешником; никогда произвольно не толковать закон и не подкупать правосудие; ставить истину на первое место; быть снисходительным с осужденными законом; быть справедливым в распределении благ между бедными людьми и т.д.

Этими советами Дон Кихот желает, чтобы его собственные представления о правлении были реализованы другим, его двойником, так как он сам никак не может перейти от слов к действиям, которым, как пишет рассказчик, не соответствуют его же слова: «*Quién oyera el pasado razonamiento de don Quijote que no le tuviera por persona muy cuerda y mejor intencionada? Pero, como muchas veces en el progreso desta gran historia queda dicho, solamente disparaba en tocándole el la caballeria, y en los demás discursos mostraba tener claro y desenfadado entendimiento, de manera que, a cada paso desacreditaban sus obras*»¹³ (P. 785).

И вот Санчо, достигший зрелости после долгого диалогического общения с Дон Кихотом и под влиянием последнего разговора с ним, берет в свои руки губернаторство острова Баратарии. Тут он показывает, что преодолел ту ограниченность, которая часто делала из него шутовскую фигуру. В своих административных мерах и решениях он согласовывает практически-гуманистический взгляд на обязанности губернатора, исходящий из народного понимания справедливого судьи и правителя, с наиболее передовыми этическими, политическими и демократическими концепциями социальной справедливости и гуманного правосудия, которые Сервантес позаимствовал из лучших традиций европейской философии, особенно из философии Эразма Роттердамского, чье влияние сильно чувствуется в романе «Дон Кихот». Благодаря своей чрезвычайной понятливости и практичности, Санчо быстро и своевременно принимает решения бороться с коррупцией, с бездельем и поощрять труд, чем и поражает свое губернаторское окружение, как следует из слов мажордома: «*Estoy admirado de ver que um hombre tan sin letras como vuestra merced <...> diga tales y tantas cosas llenas de sentencias y de avisos, tan fuera de todo aquello que del ingenio de vuesa merced esperaban los que nos enviaran y los que aqui vinimos. Cada dia se veen cosas nuevas en el mundo: las burlas se vuelven en veras y los burladores se allan burlados*»¹⁴ (P. 827–828).

Как губернатор и судья, Санчо показывает недостатки всей идеологии феодальной Испании Филиппа III: формальное право и его непригодность, схоластическую медицину в лице им высмеянного врача Педро Ресио, налоговую систему, эксплуатацию религиозного суеверия. И, несмотря на успехи своего правления, он открывает, что власть ради власти дегуманизирует индивидов, что власть – рабство, что, не являясь орудием преобразований, она ни к чему не годна и служит лишь для того, чтобы питать высокомерие и иллюзии тех, кто думает, что имеющему власть человеку все дозволено. Отсюда слова Санчо: «на небо без крыльев не полетишь» (Ч. 2. С. 404). Следуя советам Дон Кихота о том, что узнать самого себя должно быть его первым шагом, ибо таким образом он не согрешил бы против скромности и не раздулся бы, как лягушка, которая захотела уравняться с быком, Санчо приходит к выводу о том, что он не рожден быть губернатором: «Хорошо тому, кто работает по профессии, для которой родился». И Санчо покидает губернаторство таким же бедным, как вступил в эту должность, говоря: «Desnudo nasci, desnudo me hallo <...> sin blanca entre en este gobierno, y sin ella salgo, bien al revés de como suelen salir los gobernadores de otras ínsulas»¹⁵ (Р. 863).

Санчо оставляет правление, чтобы вернуться к своей прежней должности оруженосца Дон Кихота. Он делает это, чтобы освободиться от гибели, которой губернаторство является для него, чтобы снова приобрести свою прежнюю свободу. Но, прежде всего, Санчо нужно восстановить свою прежнюю индивидуальность, свое естество. Личность Санчо соединена тесными узами с его ослом, с этим страдающим и благородным животным, звеном его связи с землей¹⁶. И его первый шаг после ухода от губернаторства – это броситься к своему ослу. Будто желая возратить потерянное время, Санчо его обнимает и лобзает в лоб, вспоминая те счастливые моменты, те дни и года, проведенные вместе с ослом вдали от властолюбия и в своем простом статусе Санчо Пансы. Он уже оставался несколь-

ко дней без своего осла, когда его украли, и безутешно плакал. Возвращаясь обратно, Санчо падает со своим ослом в пещеру, откуда не может выбраться без посторонней помощи. Там кругом темнота, царит совершенная тишина, и он слышит только очеловеченный голос осла, который «тихо и жалобно стонет, и стонал он не попусту, не от дурной привычки, а потому, что и в самом деле упал не весьма удачно» (Ч. 2. С. 414). Дон Кихот, который впал в полное помешательство во время отлучки Санчо, проходит мимо, прямо у пещеры, слышит зов из глубины, звук кажется ему похожим на голос Санчо, но он его не распознает. Санчо кричит из глубины пещеры, объясняет, что упал туда, что осел с ним и не «даст ему наврать». И, согласно рассказчику, «*y hay más: que no parece sino que el jumento entendió lo que Sancho dijo, porque al momento comenzó a rebuznar, tan recio, que toda la cueva retumbaba*»¹⁷ (Р. 874). Только тогда Дон Кихот распознал голос Санчо в осле: «*Famoso testigo! – dijo don Quijote. – El rebuzno conozco, como se le pariera, y tu voz oigo, Sancho mio*»¹⁸ (Р. 874).

Тут наблюдается чрезвычайно интересный случай инверсии, переворачивания порядка вещей: Санчо раздвоен в осле, осел очеловечен в Санчо, и оба равноправно ведут диалог с Дон Кихотом, который слышит голос Санчо в осле и в осле узнает своего оруженосца. Санчо – земная сторона Дон Кихота, почва, на которую его идеи падают и прорастают, т.е. оруженосец – объективная основа, без которой идеи странствующего рыцаря не могли бы родиться. Осел – земная сторона Санчо, его природная сторона. И на этом пространстве общения и диалога образуется ступенчатая структура, в которой земля-природа соотносится с ослом, осел-природа соотносится с Санчо, Санчо представляет собой прямое соотношение природы и культуры. Из всего этого комплекса рождается народная культура, которая через Санчо устанавливает ось своей связи с эрудированной (высокой) культурой, символизирующей Дон Кихотом. Эти два культурных мира ведут между собой диалог, сложное и порой противоречивое общение, то

смеясь друг над другом, то сливаясь в одном целом, будто указывая на то, что в истории культуры нет радикального разграничения между ее народным и ученым полюсами. В самом деле, между ними существует большой диалог, более или менее заметный в зависимости от исторического момента, но из которого оба полюса культуры всегда выходят обогащенными. Вместо радикального противопоставления одного мира другому диалог проблематизирует здесь границу между ними, показывает, что всякая речь, какова бы ни была ее претензия на идеологическую чистоту и на однозначность, всегда осуществляется на границе, на той лиминарности, где она скрещивается с речью другого и ею дополняется. У субъекта речи не хватает внутренней суверенной территории, и он всегда находится на границе, где «смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другого или глазами другого»¹⁹. Эта формула Бахтина имеет первостепенное значение для понимания того, что диалогизм организует взаимное знание речей, в которых представлены разные истины о мире, человеке и его месте в жизни и культуре.

В «Дон Кихоте» ведут диалог все литературные жанры, то в форме множества связанных или нет с главным сюжетом романа вставных рассказов, то в форме множества поэм, из чего получается взаимопроникновение, порой напряженное, в эстетический мир другого. Все это, однако, никогда не перестает быть диалогом равноправных голосов, которые образуют большую тесситуру, где каждый голос сохраняет свою самобытность как представитель своего культурного, религиозного и идеологического мира. Роман Сервантеса находится также в диалоге с огромным количеством романов, особенно рыцарских, с европейской философией, в большей степени с эразмизмом, с разными религиями и историей. И тут наблюдается чрезвычайное явление в истории литературы: в 59-й главе второй части романа Сервантес узнает о публикации второй части «Дон Кихота» Фернандесом Авельянедой. Отсюда устанавливается диалог с Авельянедой,

который кончается только со смертью Дон Кихота в последней главе романа, где Сервантес решительно и страстно защищает свое произведение и себя самого как его единственного и авторизованного создателя, говоря: «Para mi sola nació don Quijote, y yo para él; él supo obrar y yo escribir...»²⁰ (Р. 993).

Актуальность «Дон Кихота»

Можно ли связать наследие Сервантеса с нашей современностью? Сегодня мы живем под эгидой глобализации и восхождения нового бога – всемогущего и вездесущего бога «Рынок», наблюдаем за попыткой навязывания единомыслия, видим, что когда руководители семи наиболее богатых стран мира – так называемые «семь великих» – собираются и, перефразируя Гоголя, нюхают табак, весь остальной мир чихает. В таких обстоятельствах чтение «Дон Кихота» служит нам поводом к раздумью. Через рациональное безумие своего хитроумного идальго Сервантес развязал свою умную интеллигентную борьбу против всякой формы господствующего разума, который претендует на роль единственного. Она направлена против того же самого разума, который Рабле комически развенчал в «Гаргантюа и Пантагрюэле», с которым Достоевский боролся в своем творчестве, особенно в «Зимних записках о летних впечатлениях» и в «Записках из подполья», где обратил внимание на опасность, представляемую единомыслием для свободы личности и самобытности культуры. Нам, латиноамериканцам, которым навязали единого бога, единого короля-императора и единую истину, вполне понятен завет Сервантеса.

Своим гениальным романом Сервантес превзошел свою эпоху, преодолел ее и показал нам, что великая литература – та, которая проявляет глубокое беспокойство о судьбе человека и его месте в истории и культуре, та, в которой мы забываем о национальности героя и говорим о нем как

о существе, находящемся над национальными границами. Не случайно Достоевский назвал «Дон Кихота» источником своего суждения о жизни.

---

¹ Cassirer E. Linguagem e mito (*Sprache und Mythos*) / Tradução de J. Guinsburg e Miriam Schnaiderman. São Paulo, 1972. P. 68.

² *Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский* / Пер. Н. Любимова. Ч. 1. М., 1988. С. 35. Русский перевод романа цитируется далее по этому изданию. Номера страниц указываются в тексте после цитат.

³ Оригинальный текст романа приводится по изданию: *Cervantes Saavedra M. de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha* / Compuesto por Miguel de Cervantes Saavedra y anotado por Rufó Mendizabal. Madrid, 1954.

⁴ «Санчо – душа, избавленная и очищенная Дон Кихотом от телесной грязи; это первый и наивысший триумф изобретательного идалго; это застывшая мораль, вылепленная его руками из неотесанного и грубейшего материала, с которым связано дыхание бессмертия. Дон Кихот воспитывает сам себя, воспитывает Санчо, и книга вся целиком – педагогика в действии <...> завоевание идеала безумцем и неотесанным малым, безумие, наученное и исправленное земным благоразумием, общий смысл всего этого оказывается облагороженным своим контактом с живой и священной искрой идеального». Цит. по: *Mendizabal R. Introducción del anotador // Cervantes Saavedra M. de. Op. cit. P. 17.*

⁵ «Санчо связывал его /Дон Кихота/ с человеческим родом, и через сознание Санчо он любил всех людей <...> Без Санчо Дон-Кихот – не Дон Кихот, и господин больше нуждается в оруженосце, чем оруженосец – в господине». См.: *Unamuno M. de. Vida de Don Quijote y Sancho. Ed. 3e. Buenos Aires; México, 1941. P. 205–206.*

⁶ *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 312.*

⁷ Цит. по: *Mendizabal R. Op. cit. P. 12.*

⁸ «Да ведь что-нибудь да должно же пристать ко мне от вашей премудрости, – сказал Санчо, земля сама по себе может быть бесплодной и сухой, но если ее удобрить и обработать, она начинает давать хороший урожай. Я хочу сказать, что беседы вашей милости были тем удобрением, которое пало на бесплодную почву сухого моего разума, а все то время, что я у вас служил и с вами общался, было для него обработкой, благодаря чему я надеюсь обильный принести урожай, и урожай этот не сойдет и не уклонится с тропинок благого воспитания, которые милость ваша проложила на высохшей ниве моего понятия» (Ч. 2. С. 90).

⁹ «... я – голова, ты же – часть моего тела» (Ч. 2. С. 26).

¹⁰ «... посмотрим, к чему приведет вся эта цепь сумасбродств как рыцаря, так и оруженосца, – право, их обоих словно отлили в одной и той же форме, и безумства господина без глупостей слуги не стоили бы ломаного гроша» (Ч. 2. С. 25).

¹¹ «... когда мы приказываем долго жить и нас закапывают в землю, то и принц и чернорабочий бредут по одинаково узкой тропе и тело римского папы занимает столько же места в могиле, сколько и пономаря, хотя тот гораздо выше этого: когда нас опускают в яму, все мы скорчиваемся и скрючиваемся, или, вернее, нас, хочешь не хочешь, скорчивают, скрючивают - и спокойной ночи!» (Ч. 2. С. 261)

¹² «Насчет того, чтобы управлять по-хорошему, меня просить не нужно <...> душа у меня добрая, и бедняков я жалею...» (Ч. 2. С. 262).

¹³ «Кто бы из тех, кто слышал вышеприведенные рассуждения Дон Кихота, не признал бы его за человека совершенно здравомыслящего и преисполненного самых благих на-

---

мерений? Но, как это на протяжении великой нашей истории не раз было замечено, он начинал нести околесную, только когда речь заходила о рыцарстве, рассуждая же о любом другом предмете, он выказывал ум ясный и обширный, так что поступки его неизменно расходились с его суждениями, а суждения с поступками» (Ч. 2. С. 319).

¹⁴ «... я, право, удивляюсь: такой неграмотный человек, как вы, ваша милость <...> и вдруг говорит столько назидательных и поучительных вещей, – ни те, кто нас сюда послал, ни мы сами никак не могли от вас ожидать такой рассудительности. Каждый день приносит нам что-нибудь новое: начинается дело с шутки – кончается всерьез, хотел кого-то одурачить – глядь, сам в дураках остался» (Ч. 2. С. 368).

¹⁵ «... голышом я родился, голышом весь свой век прожить ухитрился <...> вступил я в должность губернатора без гроша в кармане и без гроша с нее ухожу – в противоположность тому, как обыкновенно уезжают с островов губернаторы» (Ч. 2. С. 404).

¹⁶ *Unamuno M. de.* Op. cit. P. 220.

¹⁷ «... осел, будто поняв, о чем говорит Санчо, в ту же секунду заревел, да так громко, что эхо отозвалось во всей пещере» (Ч. 2. С. 418).

¹⁸ «Превосходный свидетель! – воскликнул Дон Кихот. – Я узнаю его рев, как если б он был моим родным сыном, да и твой голос, милый Санчо, мне также знаком» (Ч. 2. С. 418).

¹⁹ *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 312.

²⁰ «Для меня одного родился Дон Кихот, а я родился для него; ему суждено было действовать, мне – описывать...» (Ч. 2. С. 554)